

Черкасов Павел Г

Сборник статей по рыболовству

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П12

П12 **Павел Г Ч.**
Сборник статей по рыболовству / Черкасов Павел Г – М.: Книга по Требованию, 2023. –
138 с.

ISBN 978-5-521-30027-3

ISBN 978-5-521-30027-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

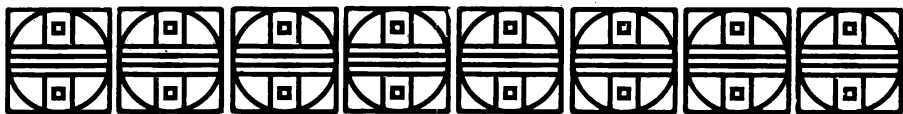
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Посвящается свѣтлой памяти моего
дѣди Владиміра Митѣевича
Держанскаго-Дектерева, по насто-
янію котораго я въ свое время высту-
пилъ въ охотничьей литературѣ.*

„Вмѣсто предисловія“—нѣсколько словъ къ
читателю.

На выпускъ предлагаемаго товарищамъ по охотѣ сборника моихъ статей я рѣшился только подѣ влияніемъ очень настойчивыхъ убѣжденій многихъ изъ моихъ корреспондентовъ и, главнымъ образомъ, Ѳ. П. Кунилова, настойчиво возвращавшагося къ вопросу о немъ и не унывавшего предъ моимъ систематическимъ уклоненіемъ отъ этого предпріятія.

Уклонялся же я отъ него по двумъ причинамъ: 1) я не считалъ возможнымъ ограничиться „механическою“, такъ сказать, сборкою въ одно цѣлое статей, написанныхъ въ свое время для повременнаго изданія, а на такую передѣлку ихъ, при которой онѣ могли бы составить одно гармоничное цѣлое, у меня, увы, не хватаетъ досуга. Въ концѣ концовъ—пришлось ограничиться небольшими урѣзками, добавками и передѣлками, какія представлялись необходимыми для того, чтобы хоть въ нѣкоторой степени „сгладить швы“. Насколько это благое намѣреніе мнѣ удалось исполнить—пусть судить читатель. 2) Удерживало меня еще и то соображеніе, что за истекшія 10 лѣтъ—многія изъ статей сборника написаны въ концѣ 1903 года—уженье сдѣлало въ Россіи огромные успѣхи, вслѣдствіе чего многое въ этихъ статьяхъ уже не представляетъ того интереса и не имѣетъ того значенія, какое имѣло въ свое время. Однако и здѣсь пришлось сдаться и положиться на то, что „со стороны виднѣе“, насколько эти статьи и сейчасъ представляютъ интересъ для большинства русскихъ рыболововъ. Отъ души желаю, чтобы въ оцѣнкѣ сборника они оказались болѣе снисходительными, чѣмъ я.

Нѣсколько мыслей объ уженѣи и его положеніи среди другихъ охотъ въ Россіи.

Тема эта настолько обширна, что я считаю долгомъ заранее предупредить читателей, что коснусь ея здѣсь лишь вкратцѣ; подробная разработка ея потребовала бы цѣлаго ряда статей и заняла бы слишкомъ много мѣста въ настоящемъ сборникѣ.

Прежде всего—приходится не безъ грусти отмѣтить, что уженье, въ ряду прочихъ охотъ, никогда не занимало въ Россіи почетнаго мѣста; даже въ сравнительно недавнее время отношеніе къ нему было положительно пренебрежительное, о чемъ я сужу по своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, относящимся къ началу шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (я родился 20-го октября 1854 года). Помню я, что тогда на уженье смотрѣли, какъ на забаву для дѣтей, отчасти—пожалуй—для женскаго пола, но преимущественно, какъ на охоту для простонародья; и когда этой „забавѣ“ предавались люди „благородные“ и совершеннолѣтніе, то, въ большинствѣ случаевъ, это вызывало недоумѣніе, если не осужденіе. Откуда взялся такой взглядъ на ту же самую охоту, которой, въ аристократической и чопорной Англіи, съ такимъ увлеченіемъ отдавались съ давнихъ поръ представители аристократіи родовой и аристократіи ума? Думаю, что происхожденіе его слѣдуетъ искать въ той „восточной“ окраскѣ, которую придала русской жизни близость къ восточнымъ народамъ, постоянное—хотя и не всегда добровольное—общеніе съ ними. Для восточныхъ народовъ—передвиженіе иначе, какъ верхомъ, и до сего времени представляется несомнѣстимымъ съ достоинствомъ мало-мальски

обезпеченнаго (вѣрнѣе сказать— „только ненищенствующаго“) человѣка; насколько можно судить—и на Руси, въ свое время, передвиженіе пѣшкомъ считалось несомнѣстимымъ съ достоинствомъ „благорожденнаго“ человѣка и вполне понятно, что такой взглядъ долженъ былъ отозваться и на развлеченіяхъ, среди которыхъ первенствующее мѣсто занимала соколиная охота (быть можетъ тоже заимствованная нами отъ своихъ восточныхъ сосѣдей). Долгое время соколиная охота считалась „охотою по преимуществу“; и только тогда, когда она—по естественнымъ причинамъ—стала дѣлаться малодоступною, начала выдвигаться охота псовая; но и для псовой охоты наступилъ переломъ—условія измѣнились и число псовыхъ охотниковъ стало замѣтно сокращаться. Тогда выдвинулась охота ружейная, занесенная къ намъ съ Запада (о чемъ и до сего дня свидѣлствуютъ нѣкоторыя, уцѣлѣвшія отъ тѣхъ временъ, выраженія) и долгое время обрѣтавшаяся далеко не въ авантажѣ, въ смыслѣ „общественнаго положенія“.

А что же дѣлала все это время охота съ удочкою? Она услаждала досуги „людей подлыхъ“, по тогдашнему выраженію, которымъ другіе виды охоты были недоступны. И вотъ, думается мнѣ, въ этомъ и кроется причина, почему уженье рыбы такъ поздно стало выдвигаться въ Россіи на то мѣсто среди прочихъ охотъ, которое ему принадлежитъ по праву; вотъ почему у насъ такъ долго и не появлялось усовершенствованій въ орудіяхъ охотничьяго лова—они были, по просту, не по карману массѣ русскихъ удильщиковъ.

И такъ дѣло шло—несмотря на поэтическія, душевныя „Замѣтки объ уженіи рыбы“ С. Т. Аксакова—до послѣдней четверти прошлаго столѣтія, когда уженье стало, понемногу, распространяться среди образованныхъ русскихъ (среди иностранцевъ особенно англичанъ—проживающихъ въ Россіи, оно, до извѣстной степени, процвѣтало и раньше; въ Петербургѣ—отъ англичанъ научились ловлѣ на искусственную мушку и нѣкоторые, немногочисленные, русскіе, съ успѣхомъ примѣнявшіе ее и, конечно, пользовавшіеся усовершенствованными снастями). Справедливость требуетъ отмѣтить здѣсь ту роль, которую въ этомъ дѣлѣ сыгралъ журналъ „Природа и Охота“, возникшій въ это время; на его

страницахъ появилось тогда не мало статей по ужению, давшихъ этой охотѣ значительный толчокъ впередъ и выдвинувшихъ ее изъ того состоянія заброшенности, въ которомъ она находилась. Но не слѣдуетъ себѣ дѣлать иллюзій: и до настоящаго времени частенько приходится встрѣчаться съ достаточно пренебрежительнымъ отношеніемъ къ ужению и поневолѣ приходится спросить себя—чѣмъ такое отношеніе вызывается? Думаю, что только однимъ незнакомствомъ съ этою охотою.

Прежде всего—нѣтъ ни одной охоты, которая такъ развивала бы самодѣятельность, какъ ужение: то надо леску свить, то сачокъ связать, то поплавочекъ смастерить, то лодку поправить, а не то такъ и вновь сработать. Глядишь человѣкъ, самъ того не замѣчая, научается многому, что и въ болѣе серьезномъ дѣлѣ пригодится. Конечно—я не говорю о тѣхъ несчастныхъ „безрукихъ“ людяхъ, которые ничего сами сдѣлать не могутъ, и только рассчитываютъ на готовенькое; это дѣйствительно—несчастные люди, въ большинствѣ случаевъ обязанные своею „безрукостію“ непрактичному воспитанію и тому уродливому взгляду (къ сожалѣнію—еще довольно распространенному), согласно которому всякій механическій трудъ считается унижительнымъ. Для человѣка же, у котораго, по русской поговоркѣ, „руки—не крюки“, ужение открываетъ широкій просторъ для примѣненія этихъ самыхъ рукъ.

Затѣмъ, ужение развиваетъ и наблюдательность, которая для удильщика прямо-таки необходима—безъ нея онъ ничего не сдѣлаетъ. Тутъ въ значительной степени—дѣло идетъ „въ темную“.

Зрѣніе и слухъ, являющіеся такими дѣятельными помощниками въ другихъ охотахъ, здѣсь ограничены въ своемъ примѣненіи, а подчасъ и вовсе обречены на бездѣйствіе; надо изучить образъ жизни каждой породы рыбъ, чтобы знать—гдѣ и когда ее можно найти. Да и мало того, что найти; надо съумѣть ее обмануть, заставить ее взять насадку. А взяла она насадку—надо во-время подсѣчь, да съумѣть крупную рыбу выводить. И куда какъ это не просто бываетъ! Тотъ, кто судитъ объ уженіи только по ловлѣ ершей, или пескарей, и никогда не испыталъ борьбы съ

серьезною рыбою, какъ громадный язъ, головль, сазанъ, или усачъ (я уже не говорю о лососѣ и тому подобныхъ рыбахъ), конечно, не въ состояніи себѣ представить, какое искусство требуется для успѣшной борьбы съ подобнымъ противникомъ, какое напряженіе нервовъ при этомъ испытываетъ рыболовъ.

А вѣдь въ степени этого нервнаго напряженія и въ его длительности и заключается, въ сущности, вся прелесть охоты. И съ этой точки зрѣнія—уженье, конечно, въ полной мѣрѣ выдерживаетъ сравненіе съ иными охотами. Въ соколиной охотѣ, равно какъ и въ охотѣ съ борзыми, длительность этого момента больше, чѣмъ въ большинствѣ видовъ ружейной охоты; но въ уженьи—она еще больше. Здѣсь, отъ первой поклевки крупной рыбы до того момента, когда она подсачена и извлечена изъ воды, не прекращается непосредственная борьба между охотникомъ и его добычей, не ослабѣваетъ то напряженіе, которое такъ дорого истинному охотнику. Этимъ и объясняется, думаю я, что чело-вѣкъ, разъ серьезно увлекшійся уженьемъ, почти всегда остается ему вѣренъ до конца; подтвержденіе такому своему наблюденію я нахожу и въ англійской рыболовной литературѣ, въ которой нерѣдко приходится встрѣчать завѣреніе, что переходъ къ уженью представителей другихъ охотъ наблюдается весьма часто, тогда какъ переходъ удильщиковъ къ другимъ охотамъ составляетъ явленіе крайне рѣдкое.

Нельзя не остановиться, также, на успокоительномъ, умиротворяющемъ дѣйствиі, оказываемомъ уженьемъ на чело-вѣка, на томъ поэтичномъ созерцательномъ настроеніи, въ которое оно его приводитъ. Не оттого ли къ нему такъ часто прибѣгаютъ въ настоящее время люди, которымъ приходится тратить массу энергіи—„кипѣть, какъ въ котлѣ“, какъ говорится, что особенно наблюдается въ Америкѣ и, отчасти, въ Англій?

Уженье, нерѣдко, характеризуютъ охотою неподвижною, лѣнивою. „Что это за охота—сидѣть цѣлый день надъ рѣкою и ждать поклевки? Старикамъ, дѣтямъ да малоумнымъ въ пору!“ Такіе отзывы приходится слышать нерѣдко, и можно только удивляться той смѣлости, съ которою люди берутся судить о томъ, чего они, очевидно, совершенно не

знають. Если нѣкоторые виды ужения доступны „старикамъ, дѣтямъ и малоумнымъ“, то это не только не служитъ въ покоръ этой охотѣ, но въ вящую похвалу; сказать же, что она подходит *только* для указанныхъ состояній человѣка — можно лишь при значительной смѣлости и полномъ незнаніи дѣла. Возьмемъ „ходовые“ способы ловли: ужение лосося, форели, хариуса и пр. рыбъ на искусственныя приманки — мушки, рыбки, и т. д. — когда приходится зачастую продѣлывать такую гимнастику, какой не требуютъ большинство видовъ другихъ охотъ; ужение по лѣснымъ рѣчкамъ на насаженныхъ съ подхода; ужение хищной рыбы — плавомъ. Изъ неподвижныхъ способовъ ужения — возьмемъ ужение крупной рыбы: сазана, усача, щуки, судака и многихъ другихъ (я уже не говорю о морскомъ ужении, при которомъ на настоящую удочку, состоящую изъ удилица съ катушкою и лесомъ, выуживаютъ рыбъ до 9 пудовъ вѣсомъ); тутъ нужна и сила, и находчивость, и хладнокровіе. И во всѣхъ видахъ ужения необходимы бодрость, выносливость и многія другія качества положительнаго, а не отрицательнаго характера, такъ что поневолѣ приходится спросить чѣмъ же собственно ужение стоитъ ниже другихъ охотъ? Нѣтъ, дорогіе товарищи, нисколько оно не ниже ихъ! Да васъ-то и нѣтъ надобности въ этомъ убѣждать, а говорится это для тѣхъ, которые еще не примкнули къ нашимъ рядамъ и зачастую судятъ о нашей охотѣ по недоброжелательнымъ и необоснованнымъ отзывамъ, подобнымъ вышеприведенному.

Коснусь я, кстати, и одной, особенно цѣнной, черты ужения: его доступности для юнаго возраста. Черта эта обыкновенно обходится молчаніемъ, но это неосновательно и несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ — не великое ли благо, если у юноши есть стремленіе уходить отъ тѣхъ глубоко безсмысленныхъ и зачастую растлѣвающихъ развлеченій, которыя выработались во многихъ изъ нашихъ „центровъ дачной жизни“ (какъ-то: безсмысленное толченіе молодежи на музыкѣ — не музыки, а преждевременнаго ухаживанія ради — или шатанія взадъ и впередъ по станціонной платформѣ), „въ міръ природы, въ міръ спокойствія, свободы, въ царство рыбъ и куликовъ“, какъ говоритъ незабвенный Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній? „А почему же именно ужению, а не ружейной охотѣ,

вы отводите такую спасительную роль?“ могут меня спросить. Да по очень простой причинѣ: потому, что уженъе, рѣшительно со всѣхъ точекъ зрѣнія, представляется болѣе доступнымъ, чѣмъ ружейная охота (не говоря уже о томъ, что оно сопряжено съ гораздо меньшимъ рискомъ, какъ для начинающаго „охотиться“ имъ, такъ и для тѣхъ, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе). И еще одно немалое преимущество на сторонѣ уженъя, это то, что пока оно не засорено тѣмъ элементомъ „игры“, который у насъ, за послѣднее время, умудряются вносить во всякую охоту. И можно только пожелать, чтобы подобное засореніе никогда его не постигло.

Что слѣдуетъ подразумѣвать подъ выраженіемъ: „усовершенствованныя орудія охотничьяго лова?“.

Съ такимъ вопросомъ ко мнѣ нерѣдко обращались товарищи по охотѣ, въ разговорѣ съ которыми я употреблялъ эти выраженія.

Естественно предположить, что тотъ-же вопросъ частенько возникаетъ у удильщиковъ, незнакомыхъ съ литературою уженъя послѣдняго тридцатилѣтія, когда они встрѣчаются впервые съ этими выраженіями, а потому и будетъ, думаю, вполне умѣстнымъ и небезполезнымъ попытаться дать здѣсь отвѣтъ на него.

Всёконечно—тотъ взглядъ, который выработался на это дѣло у меня, ни для кого не обязателенъ; но, думается мнѣ, въ основательности ему отказать трудно. Во всякомъ случаѣ—изъ обмѣна взглядовъ можетъ получиться только одна польза, почему я и сдѣлаю начинъ въ этомъ направленіи.

А. К а т у ш к а.

Когда я „хватилъ заморскаго яду“ и заразился „англоманіей“, какъ характеризовалъ одинъ мой добрый знакомый мой переходъ къ стычному удилищу и катушкѣ, я на послѣднюю смотрѣлъ, сначала, какъ на инструментъ второстепен-

ный—очень даже второстепенный; положимъ—въ тѣ време-на и трудно же было добыть (особенно въ Москвѣ) такую катушку, которая не казалась бы второстепеннымъ инстру-ментомъ. Но такое отношеніе къ ней продержалось у меня недолго, какъ это видно изъ того, что уже въ 1884 году я писалъ въ „Природѣ и Охотѣ“ (декабрь, стран. 46-ая, мел-кій шрифтъ): „Повторю еще разъ, что неоднократно говорилъ и писалъ товарищамъ по охотѣ: главное, за что я стою—это не складное удилище, а катушка, которую можно приладить и къ цѣльному удилищу и которая предупредить многія не-пріятности, которыми угрожаетъ охотнику крупная и бойкая рыба. Меньше будетъ пропадать рыбы, да и снастей мень-ше будетъ гибнуть“. Отсюда явствуется, что практическое знакомство съ катушкою очень скоро заставило меня пере-вести ее изъ разряда „второстепенныхъ“ въ разрядъ „перво-степеннѣйшихъ“ составныхъ частей усовершенствованной сна-сти. А затѣмъ—дальнѣйшій опытъ привелъ меня къ тому, что исходнымъ пунктомъ своей пропаганды усовершенство-ванныхъ снастей я поставилъ именно катушку.

Дѣло вотъ въ чемъ: природное, естественное удилище—будь то бамбуковый, березовый, рябиновый, черемуховый, или иной какой „хлыстъ“—обладающее, въ большей или меньшей полнотѣ, потребными для удилища качествами, мож-но найти, если и не безъ нѣкоторыхъ хлопотъ. Въ нѣкото-рыхъ отношеніяхъ такое удилище будетъ уступать хорошо сработанному „стычному“, искусственному удилищу; въ дру-гихъ—оно будетъ имѣть преимущество предъ нимъ; но—во всякомъ случаѣ—оно будетъ достигать своей цѣли. Совсѣмъ иное дѣло катушка: ея функціи ничѣмъ инымъ замѣнены быть не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ подробнѣе тѣ выгоды, которыя катушка—при равныхъ прочихъ усло-віяхъ—даетъ удильщику. 1.—При переходѣ съ одного мѣста на другое, значительно разнящееся отъ перваго характеромъ берега, глубиною воды и проч., катушка даетъ возможность, просто и безъ хлопотъ, удлинить или укоротить разстояніе между крючкомъ и концомъ удилища. 2. Неся значитель-ный (болѣе или менѣе) запасъ шнура, катушка позволяетъ „сдать“ крупной рыбѣ нѣкоторое количество шнура въ тотъ моментъ, когда рыбакъ чувствуетъ, что это необходимо; этимъ способомъ зачастую удастся сохранить добычу, кото-

рая, при обыкновенной—„глухой“—снасти, либо сокрушила бы эту послѣднюю, либо разорвала бы себѣ губу и ушла. При „глухой“ снасти, въ минуты опасности, нерѣдко приходится бросать удилище въ воду (рискуя потерять рыбу и снасть) и потомъ гоняться за нимъ; едва ли есть какая-либо надобность подчеркивать то преимущество, которое, при такихъ условіяхъ, представляетъ пользованіе катушкой (хотя бы и самую немудрую). 3. —Катушка, давая возможность во время „сдать“ крупной и бойкой рыбѣ, тѣмъ самымъ даетъ и возможность пользоваться болѣе тонкою—въ предѣлахъ благоразумія—снастью; а о томъ, что тонкая снасть, въ большинствѣ случаевъ, несомнѣнно способствуетъ успѣху ловли, кажется и разговаривать-то не стоитъ.

Какіе же имѣются „суррогаты“ катушки, и въ какой мѣрѣ успѣшно они выполняютъ перечисленные, главные, ея функціи? Природныя „вилочки“ —оставляемые обрѣзки сучьевъ —на которые наматывается запасъ лесы, или же „крючки“, тѣмъ или инымъ способомъ и для той же цѣли, прикрѣпляемые къ удилищу; но единственная роль, которую они, съ грѣхомъ пополамъ, могутъ сыграть—это роль, указанная въ пунктѣ первомъ. А объ остальныхъ—нечего и думать.

Перейдемъ, затѣмъ, къ той роли, которую катушка играетъ въ усовершенствованіи способовъ ловли. Здѣсь—она прямо-таки ничѣмъ не можетъ быть замѣнена. Перечислю вкратцѣ нѣкоторые изъ усовершенствованныхъ способовъ ужения, безъ катушки совершенно непримѣнимыхъ. Ужение на живца и ужение на мертвую и на искусственную рыбку „верченьемъ“ съ забросомъ вдаль, темзенскимъ ли, ноттингхэмскимъ ли, или американскимъ способомъ; при всѣхъ трехъ названныхъ способахъ—забросы на разстояніе около 25—30 аршинъ считаются совершенно обычными и трудности не представляютъ. А возможны ли они безъ катушки, при лесѣ, на глухо привязанной къ концу удилища? Ужение „въ проводку“, ноттингхэмскимъ способомъ, при которомъ „проводка“, въ умѣлыхъ рукахъ и при соотвѣтственныхъ условіяхъ глубины воды и силы теченія, доходитъ до 40 аршинъ и болѣе. Ужение на наѣкомыхъ при помощи вѣтра; если оно иногда и возможно безъ катушки, то можетъ убѣдить всякаго, кто отнесется къ дѣлу безъ исключительнаго предубѣжденія, въ громадномъ преимуществѣ послѣдней.